

Однажды я проснулась, а всех мужчин снова увезли, и я тоже чувствовала себя не очень хорошо. Теперь меня все чаще тошнило и кружилась голова; мне было холодно, и иногда болели мышцы. Меня постоянно тошнило, кружилась голова и время от времени болели мышцы. Пошатываясь, я подошел к холодильнику и схватил бутылку кока-колы, открыл ее, только и успел, что отхлебнуть, сделал пару глотков и медленно пошел с бутылкой в руке.

Внезапно мой желудок свело судорогой, и я упал на колени. Бутылка упала на пол, и газировка впиталась в ковер. Меня вырвало на пол по дуге. Все, что я выпил, включая пару энергетических коктейлей, вылетело наружу и стало твердым. Я попытался пошевелиться, и повторилось то же самое. Ковер впитал все, что я выплеснул из желудка. Некоторое время я лежал на полу в своей рвоте, прежде чем мне наконец удалось поползти до более чистого места, чтобы прилечь, когда открылась дверь.

Медсестры подняли меня на кровать и даже не потрудились связать, потому что я совсем обмякла. Они просто накрыли меня и уложили в полусидячее положение, не сказав ни слова.

Они вернули в палату спящих мужчин и привязали их к кровати. В палате Адама одна из медсестер сказала.

"Думаю, этот получил свою последнюю дозу. Ее нужно сменить здесь и сейчас".

Одна из медсестер кивнула и на мгновение вышла из комнаты. Две медсестры повернули Адама на бок, чтобы обнажить его спину. Медсестра вернулась с небольшим листком бумаги размером с ладонь и цветом кожи. Первая медсестра смочила марлевый тампон в спирте и начала протирать спину Адама; через мгновение она нащупала край и сняла со спины Адама такой же листок бумаги.

Она подождала, пока кожа Адама высохнет, а затем взяла новый лист, сняла с него защитную пленку и положила на место предыдущего. Взяв в руку пульт дистанционного управления, она провела им по пленке.

"Ну вот, теперь он снова перезагружен. Снова осталось семь доз", - сказала медсестра другой.

Почти закрыв глаза, я наблюдал, как пластырь впитывается в кожу, когда пульт управления проходил по нему; он каким-то образом впитывался в кожу, словно какой-то гель или желе.

"Этот новый трансдермальный имплантат очень практичен для таких объектов. Мы можем легко взять их под контроль". сказала одна медсестра другой.

Одна из медсестер только кивнула, проверила, что пластырь нигде не прощупывается, натянула на Адама халат и перевернула его на спину.

В палату вошел врач. Чертовски пухлый, я чувствовал запах чеснока у него изо рта - видимо, он ел. Запах не помог моему желудку успокоиться, но он был пуст, поэтому меня не тошнило; я просто почувствовала, как его сводит судорогой.

"Что это за запах?" - спросил он, обеспокоенный.

"Омегу вырвало на пол. Ковер все впитал", - сказала одна из медсестер.

"Ну так уберите это, поменяйте этот чертов ковер. Никто не хочет находиться в этой гребаной вони..." - раздраженно сказал доктор.

"Каково сейчас состояние Омеги?"

"Посмотрите сами", - сказала медсестра. "Довольно безобидно, почти без сознания. Совершенно неважно, вам даже не нужно ее привязывать".

Доктор пристально посмотрел на меня и сказал: "Поменяйте ковер. И проследите, чтобы Омега оставалась в постели и ее больше не тошнило на пол. Поднимите бока кровати".

Затем он ушел. Одна из медсестер взяла трубку, набрала номер и позвонила. Пришла другая медсестра, проверила мой пульс, накрыла меня одеялом, подняла доску и положила рвотные пакеты на стол рядом со мной. Я снова была почти без сознания. Очевидно, мое давление колебалось, и если я сидел, то оно периодически снижалось.

Однако я бессильно откинулась на спинку кровати, даже не думая о том, что будет дальше и какова моя судьба, но у меня уже было явное преимущество перед мужчинами: теперь я знала об этих имплантах, а без них, что ж, мужчины могли бы функционировать.

"Обслуживание, да, у нас есть для вас небольшая замена ковра внизу; да, это ковер, но если бы вы могли просто вырезать эту грязную часть и заменить ее на новую, да, хорошо, спасибо".

Медсестра объяснила ровным голосом; она послушала минуту и что-то проворчала; видимо, у обслуживающего персонала не было такой уж сильной мотивации к работе, но потом повесила трубку и сказала. "Через минуту придут ремонтники, чтобы поменять ковер. Я не понимаю, зачем вообще нужны ковры, если их нет во всей комнате. "

Все ковровое покрытие начиналось в пространстве между кухней, или, как ее еще называют, столовой, туалетом и диваном. Там было ковровое покрытие, но в зоне, ближайшей к двери, где стояла кровать, был ламинат или что-то в этом роде.

Одна из медсестер посмотрела на меня. "Может, мне связать Омегу на случай, если она разозлится?"

"О нет, не нужно. Что она собирается сделать, наброситься на тебя? Это не угроза. Просто оставьте ее. Сейчас у нее самое низкое давление, а сидячее положение не дает ей потерять сознание. Она больше не может ни стоять, ни двигаться. "Медсестры ушли.

Я знала, что одна только информация об имплантате на вес золота, и старалась сохранить силы, чтобы рассказать все мужчинам. Я не знала, как долго мы находимся на этом корабле. У меня не было чувства времени, будь то утро или вечер. Если только я не выглядывал в окно, а в эти дни это случалось часто, я так чертовски уставал, что не мог даже пошевелиться. Мне казалось, что все тело болит, а двигаться было чертовски тяжело.

Я знал, что в шкафу наверху для меня приготовлено несколько успокоительных. На случай, если я буду представлять угрозу, там были и другие транквилизаторы и успокоительные. Ведь никто из мужчин даже не успел спланировать нападение на кого-то с этими чертовыми имплантами, но если у них их не было, то теперь эти лекарства могли бы пригодиться, если бы мы смогли избавить мужчин от имплантатов.

Прошло некоторое время, и мужчины все еще не проснулись, когда в комнату вошли двое мужчин в комбинезонах. Один из них был моложе, выше ростом, с волосами цвета соломы и усами. Старший был ниже ростом, крепкий, почти лысый, с темно-каштановыми волосами и шатающейся походкой. Тот, что помоложе, нес рулон. Они несли рулон ковра, более светлого, чем тот, что лежал на полу.

Они подошли к грязному пятну и срезали его ковровым ножом. Клей на ковре они растворили ацетоном или чем-то подобным. Кусок ковра оторвался, обнажив стальной пол под ним. В нем был люк диаметром около метра, круглый, старого вида, который я разглядел своими усталыми глазами.

Мужчина помоложе спросил. "Что это за люк?"

Старший ответил: "Раньше это помещение было машинным отделением. Это старый сервисный люк, через который можно сливать сточные воды, золу или даже масло, когда вы заходите в порт. Там может поместиться человек, но не я. Это нечто вроде нескольких, может быть, пяти или восьми метров в длину, проходящих внутри корабля и уходящих на другую сторону. "

Мужчина рассмеялся и похлопал себя по пивному брюху.

"Мой дядя работал на таком корабле и пробирался через этот люк, чтобы познакомиться с девушками в порту. В те времена такие угольщики не ценились, и их все равно не пустили бы с корабля, но мой дядя был дамским угодником и завоевывал девушек в каждом порту. Конечно, приходилось ползти по трубопроводу, чтобы узнать, нет ли хороших самок, но часто зов дам оказывался слишком сильным. Да, он был одним из тех парней. Он умер старым, около 80 лет, в автокатастрофе. Довольно сумасшедший".

Я знал, что здесь есть возможность, лучше которой не будет, по крайней мере для мужчин. Из того, что сказал этот пожилой человек, я понял, что не создан для того, чтобы быть трубопроходцем. Но если мы сможем вытащить импланты оборотней, они уйдут. Мое кровяное давление не выдерживает. Оно падает, если просто сидеть здесь.

Этот люк не выглядел настолько большим, чтобы любой, даже Бран, смог унести меня на спине, а когда они выберутся, нужно будет действовать быстро, а когда им придется выплывать на берег, возможно, да, я не смогу выбраться, но мужчины смогут.

Я знала, что борьба будет плотной, потому что все трое проявляли ко мне повышенную заботу. Особенно Адам. Но им придется бежать, и, возможно, тогда они смогут спасти меня или хотя бы посмотреть, куда все это приведет. Мужчины положили ковер на место и даже не приклеили его как следует.

Тот, что постарше, сказал: "Эти пары клея не так уж хороши, и он будет держаться очень хорошо при меньшем количестве клея. Так много работы, чтобы разогреть клей, и эти испарения вредны для дыхания".

Мужчина стоял, пока младший клал коврик и крепко прижимал его к полу. Затем они ушли.

Оставалось только дожидаться, когда мальчики проснутся, и все им рассказать.

Наконец мужчины проснулись. Я подождал, пока они проснутся как следует, и сказал. "Идите сюда. У меня есть хорошие и плохие новости. Здесь выяснились некоторые новые вещи, которые важны и для вас. "

Адам сказал: "Сначала расскажи мне плохие новости. Я хочу услышать их первым".

Я сказал: "Сначала я все объясню, а потом расскажу тебе, хорошо? Просто потерпи".

Я потягивала апельсиновый сок, который принес мне Бран, видя, как я слаба. Врачи не стали держать меня под капельницей; у меня была канюля, но я не могла получать через нее

жидкость, когда была в сознании. Сэмюэль не разрешал мне вмешиваться в работу канюли, потому что я могла подхватить инфекцию даже с ней, поэтому я научилась пока терпеть. Сэмюэль был хорошим врачом, хотя я не раз видел, что ему тоже было нелегко.

Итак, я рассказала им об имплантатах и о том, как алкоголь выводит их наружу.

Я сказал: "Медсестра вытирала Адаму спину, а потом нащупала боковую часть имплантата. Он был похож на лист бумаги, но когда она потянула за бумагу, та стала прозрачной и исчезла. Медсестра назвала его трансдермальным".

Сэмюэль задумчиво произнес.

"Хм, трансдермальные, то есть они находятся внутри кожи. Я могу срезать всю кожу, но сначала все должны ее найти".

Я сказал ему, где он у Адама, и сказал: "Подойдите сюда, я вам покажу".

Адам подошел ко мне, и я показал им место. Сэмюэль взял немного спирта, и после некоторого времени протирания они достали его с помощью спирта. Имплантаты Брана и Сэмюэля также были быстро удалены. Я чувствовал, что мужчины готовы к тому, что им предстоит. Теперь у них был шанс.

"Тогда следующий шаг", - сказал я. "У меня есть маршрут побега, но есть и плохие новости. Я не могу пойти с вами. Правда, не могу: я слишком слаб. Мое кровяное давление не выдержит, я бессилён, для вас маршрут прост, но я не смогу, и это факт. Ну, если ты сможешь сбежать, то, возможно, присмотришь за этим кораблем и спасешь меня где-нибудь по пути, но это слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить".

Адам на мгновение задумался и сказал: "Не волнуйся, я понесу тебя".

Я устало улыбнулся и рассказал им о люке.

Я сказал: "Посмотрите под тем куском ковра, там есть старый служебный люк, который проходит через все внутреннее помещение корабля, а затем опускается на другую сторону корабля; он узкий, но вы сможете пролезть через него, но не со мной. Кроме того, вам придется плыть и убегать. Я не могу плыть с тобой. Я слишком слаб".

Бран и Сэмюэль отправились на поиски. Адам сидел на моей кровати очень тихо. Он не произносил ни слова. Наконец он встал и пошел посмотреть на люк. Он был таким узким. Адам был большим и сильным, и ему было бы тесновато. Адам все время гладил меня, внимательно наблюдая за мной, и я видела, что он тоже пытается найти способ вытащить меня оттуда прямо сейчас, но я знала, что это невозможно.

Бран сказал. "Я осмотрю трубу и удостоверюсь, что там нет никаких сюрпризов, а потом посмотрим, что делать. Может оказаться, что труба заблокирована, и выхода нет. Но я пойду и проверю".

Бран был самым маленьким, и ему было легче всего пролезть в трубу. Бран исчез в трубе.

Через двадцать минут Бран вернулся и сказал. "Вот и выход. Я даже открыл наружный люк и почувствовал запах свежего воздуха. Это наш путь к спасению. Тебе, Адам, придется нелегко, но ты пролезешь. И Мими, ты права, мы не сможем затащить тебя внутрь, ни за что. Эта труба слишком узкая, чтобы я мог тебя нести, и она грязная, а ты такой хрупкий..."

Голос Брана чуть не сорвался. Он был вне себя от ярости, что оказался бессилен перед этим.

Адам тихо спросил: "А как же Мими? Что будет с ней, когда мы убежим? Как мы спасем тебя?"

Я устало ответил: "Я же сказал, что не пойду с вами. Теперь, для следующего этапа плана побега, иди сюда, и я расскажу тебе, о чем я думал. Здесь я должен быть немного хитрым и гарантировать вам лучший из возможных вариантов побега. "

Мой план был прост. Мы научились определять, когда приближаемся к гавани, и обычно люди ошеломяли нас, только когда мы становились на якорь. Они могли сбежать и раньше. Вопреки расхожему мнению, оборотни умеют плавать и являются сильными пловцами.

Когда мы приближались к гавани, мужчины ускользали, прыгали в воду, плыли к берегу и убегали как можно быстрее, прежде чем покинуть корабль. Они брали лекарства из верхнего шкафа и погружали меня в глубокий сон. Сэмюэль перебрал все лекарства. Были лекарства, которые действовали по-разному. Некоторые из них даже вызывали амнезию.

Сэмюэль подбирал такой коктейль, что я не просыпался несколько дней, а если и просыпался, то ничего не помнил. Я знал, что в этом замешан тот самый доктор, который запрограммировал меня на убийство Николаса, и не исключено, что он сможет что-то из меня вытянуть. Именно поэтому я должен был дать мужчинам как можно больше форы.

Сэмюэль пошел посмотреть на лекарства и уже составлял коктейль. Он прекрасно понимал мою цель. А теперь, когда я ослабела, я не смогу так быстро выйти из наркотического опьянения и долго буду в замешательстве и ничего не пойму.

Адам не мог поверить своим ушам. Они должны были оставить Мими. План был разумным и осуществимым, но Адам всегда защищал женщин и никогда их не бросал.

Адам сказал мне: "Это чертовски неправильно, очень неправильно, и если бы был хоть какой-то способ заставить тебя поверить мне, я бы сделал все, что угодно".

Я кивнула и сказала: "Адам, ты удивительный, прекрасный человек, и для меня было большой честью узнать тебя. Не то чтобы у меня был опыт общения с мужчинами, но ты просто идеален". "

Адам сказал: "Если бы я был совершенен, я бы мог спасти тебя. Однажды я спасу тебя, и тогда ты сможешь жить в моем доме в Чикаго. У тебя будет своя комната".

Я устало сказал: "Ну вот и все, гауптман, а теперь собирайся, ты должен быть готов".

Сэмюэль уже заказал лекарства. Он посоветовал своему отцу, в чьи обязанности входило вводить лекарства, что Адам должен идти первым, так как он будет наиболее ограничен, а затем Сэмюэль.

Бран шел последним и быстрее всех пробирался через трубу. Корабль затрясся в знакомой манере, и я понял, что сейчас или никогда. Мужчины смотрели в окно, и можно было почти почувствовать их волнение.

Адам подошел ко мне и сказал. "Я найду название этого корабля и как-нибудь устрою так, что ты сможешь сойти. Теперь тебе нужно просто держаться и знать, что я здесь, чтобы спасти тебя на всем пути".

Я ответил. "Конечно, я с нетерпением жду, когда ты сможешь найти здесь морского пехотинца или спецназовца. А потом мне понравится, если однажды ты предложишь мне эту комнату".

Я знал, что мое спасение, скорее всего, так и останется попыткой. Но я не осмеливалась сказать об этом Адаму. Я не знала, умру ли я и какова будет моя судьба. Я просто принимала день за день.

Адам сказал: "Пока, пока мы не увидимся снова. Мы еще увидимся, когда я начну спасательную операцию".

Он, как пантера, подошел к люку и проскользнул внутрь. Сэмюэль на мгновение подошел ко мне, пожал мне руку и сказал: "Держись. Ты невероятно стойкая и сильная девушка; для меня было честью знать тебя. Жаль только, что это произошло не при лучших обстоятельствах".

Я рассмеялся и сказал: "Ну, по крайней мере, для вас это было приключение. Вы замечательный врач. Никогда не забывайте об этом".

Я кивнул. Затем Сэмюэль спустился в люк.

Бран был спокоен и методичен. Он посмотрел на Мими. Она лежала в постели, опустив голову, потому что давление у Мими снова было очень низким. Сейчас она весила, наверное, килограммов тридцать или меньше. Ее кожа просвечивала, дыхание было каким-то затрудненным, руки и ноги были покрыты синяками и ушибами. По всему телу у нее были шрамы, но швов теперь не было.

Бран набрал лекарство в шприц. Мидазолам должен был сначала вызвать амнезию, а затем усыпить Мими. Сэмюэль велел ему ввести 20 мг. Бран ввел 30 мг. Бран всю жизнь боролся с яростью. Он помог бесчисленным оборотням принять себя, но Бран знал и о милосердии. Иногда человек просто не подходил на роль оборотня или был слишком стар и уже не мог контролировать своего волка.

Такие люди приходили к Брану, и Бран всегда брал их с собой на охоту, а потом возвращался один. Бран знал толк в хорошей смерти, в том, чтобы дать покой тем, кто этого заслуживает, и Мими была именно такой.

Далее - кетамин. Даже туда Бран ввел больше того, что велел ему Сэмюэль. Кетамин усыпил бы Мими и усыпил бы ее еще сильнее. И наконец, пентобарбитал. Это был тот самый препарат, который, как предупреждал Сэмюэль, может парализовать дыхание, если дать его слишком много, и который использовался для умерщвления животных. Сэмюэль сказал, что не более трех миллилитров, этого будет достаточно, чтобы Мими находилась в глубоком сне, но при этом хорошо дышала и реагировала на боль. Бран взял шприц объемом 10 мл и наполнил его.

Бран знал, что поступает правильно. Когда он смотрел на Мими, то видел ее слабость, страдания и смерть. Медленную, мучительную смерть от рук этих садистов, но не более; теперь Мими просто уснет, и вся боль и агония прекратятся. Адам и Сэмюэль не узнают об этом, а если судьба Мими когда-нибудь станет известна, то, что ж, она была слабой, так что смерть не стала бы сюрпризом.

Он улыбнулся Мими.

" Ладно, вот и лекарство. "сказал Бран.

Я внимательно посмотрела на Брана. В его выражении лица я увидела некую защищённость,

мягкость, как будто он хотел меня от чего-то уберечь. Я не успела подумать об этом, как это выражение появилось на лице Брана всего на мгновение. Его глаза неотрывно смотрели на меня, и я почувствовала, как на меня наваливается огромная усталость, и закрыла глаза. Я почувствовала, как он гладит меня по волосам. Бран принял следующее лекарство, и ему не потребовалось много времени, чтобы усыпить меня. Темнота забрала меня с собой.

Бран нажал на поршень. Мими глубоко вздохнула и обмякла. Она дышала спокойно. Бран взял шприц с пентобарбиталом, присоединил его к канюле и медленно нажал на поршень. Мими дышала медленно, но с некоторым усилием, и что-то внутри Брана хотело сделать это, спасти Мими от гораздо худшего состояния.

Он вздохнул и сказал: "Прости. Теперь тебе больше не придется страдать. Тебе больше не придется быть слабой, страдающей морской свинкой. Покойся с миром, малыш".

Поршень опустился на дно как бы сам собой. Бран выбросил шприцы и подошел к люку, слушая, как замедляется дыхание Мими и сердцебиение. Бран проскользнул в люк и закрыл за собой крышку, прежде чем сердцебиение полностью прекратилось. Бран знал, что поступает правильно. Он не собирался ничего говорить ни Сэмюэлю, ни даже Адаму. Он снова сделал все, что мог, помог страдальцу, и это никогда не было легко, но всегда давало ему чувство собственного покоя.

<http://tl.rulate.ru/book/102096/3586476>